

Питомцы и практики досуга: *сторге*

Светлана Б. Адоньева

АНО «Пропповский центр:
гуманитарные исследования в области традиционной культуры»,
Санкт-Петербург, Россия, spbfolk@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена поиску теоретических контекстов для рассмотрения содержания домашних питомцев как одной из практик досуга. Основным является вопрос о том, какие ценности скрыты за этой практикой и какие человеческие потребности она восполняет. Рассмотрение статистических данных позволяет обнаружить ее в характеристиках разных социальных страт, а также констатировать рост этой практики, что позволяет сделать вывод о том, что она, являясь досуговой практикой, связана со становлением новой нормы отношений. Она основана на признании, во-первых, уязвимости, во-вторых, потребности в любви-заботе и, в-третьих, взаимозависимости живых существ. На основе привлечения экзистенциальных и феноменологических контекстов предлагается гипотеза о схождении в этой практике трех миров – мира окружающей среды, жизненного мира, разделяемого с Другими, и внутреннего мира (Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt): питомец дан своему владельцу и как часть природы, и как «ты», и как Другой, задающий границы субъективности своего человеческого альтер эго. Все это делает жизнь с питомцами площадкой для производства и подтверждения новой ценности. Содержание домашних питомцев открывает отношения живых (людей и не-людей) как взаимозависимые и создает возможность договора, основанного на любви-сторге.

Ключевые слова: вернакулярные практики, домашние питомцы, досуг, социология досуга, свободное время, гетеротопии, искренность, уязвимость, любовь, привязанность, сторге, Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt, новые ценности

Дата поступления статьи: 3 июня 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 июля 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Адоньева С.Б. Питомцы и практики досуга: *сторге* // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 130–144. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-130-144

Pets and leisure practices: *storge*

Svetlana B. Adonyeva

*The Propp Centre for Humanities-based research
in the Sphere of Traditional Culture,
Saint Petersburg, Russia, spbfolk@mail.ru*

Abstract. The paper is about the search for theoretical contexts to examine the practice of keeping pets as a leisure activity. The main question is what values form the core of this practice and what human needs it is deemed to satisfy. The review of statistics allows us to identify it in the features of various social profiles, as well as to highlight the growth of this practice, which allows us to conclude that, as a leisure practice, it is associated with the formation of a new norm of relations based on the recognition of vulnerability, the need for love and care and the interdependence of living beings. Based on the involvement of existential and phenomenological contexts, a hypothesis is proposed about the convergence of three worlds in this practice – the world of the environment, the life world shared with Others, and the inner world (Umwelt, Mitwelt, and Eigenwelt): a pet is given to its owner both as a part of nature, and as “you”, and as the Other, setting the boundaries of subjectivity of its human alter ego, which makes it a platform for the production and confirmation of the new value. The modern practice of keeping pets opens up the relationship of living (people and non-people) as interdependent, and creates the possibility of a contract based on love-storge.

Keywords: vernacular practices, domestic pets, pet ownership, leisure, sociology of leisure, free time, heterotopias, sincerity, vulnerability, love, affection, *storge*, Umwelt, Mitwelt and Eigenwelt, new values

Received: June 3, 2025

Approved after reviewing: July 17, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Adonyeva, S.B. (2025), “Pets and leisure practices: *storge*”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 130–144, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-130-144

Антрополог Алан Дандес [Дандес 2003, с. 78], рассматривая примеры фольклорных и символических форм современного общества, обращал внимание ученых на практики, которые не имеют очевидной прикладной цели, но в которые вовлечено большое количество людей. Он предлагал смотреть на них как на «симптом», проявление чего-то, что не может быть названо культурой явно, и далее подбирать антропологические инструменты для того, чтобы обнаружить значение этих практик.

Объект моего анализа – практика содержания горожанами домашних животных – питомцев. (Нас будут интересовать именно держатели питомцев, а не сельские жители, для которых содержание животных – условие жизнеобеспечения, и не заводчики и держатели приютов для животных.) Как я полагаю, охватывающая все большее количество горожан практика содержания домашних животных заслуживает того, чтобы попытаться понять скрывающееся в ней содержание, она симптом какого-то нарастающего в обществе процесса. Сразу же оговорюсь: в фокусе моего внимания не психология поведения и не исследование социальных профилей индивидов, проявляющихся в отношении животных [Никольская 2012]¹.

Основным для моей статьи является вопрос о том, какие ценности скрыты за практикой содержания питомцев и какие человеческие потребности она восполняет. А также вопрос о том, какую следует подобрать аналитическую оптику для рассмотрения этой проблемы. Аналитический фокус в этом случае – не готовая методологическая рамка, которую можно приложить к теме, но то, что нужно добыть в ходе поисков ответа на ее вызов, ибо к названной теме могут быть приложены и иные повестки. Так, например, М. Козырева, исследуя динамику представлений о соотношении животного и человеческого в рамках философской антропологии, предлагает в качестве повестки увидеть в *animal turn* не столько движение за права животных, сколько проект по овеществлению человека [Козырева 2021, с. 77]. Замечу, что выбранные автором контексты, среди которых названы работы Э. Вивейруша де Кастро, Эдуардо Конса, Дж. Агамбена и др.², могут подвигать и к иным повесткам. Например, Вивейруш де Кастро ставит вопрос об узурпации субъектности в антропологии, но не о границах «человеческого» [Кастро 2017], а Э. Кон рассматривает проблему невербальной семиотики в поле взаимодействия человеческих и не-человеческих акторов [Кон 2018]. Ф. Дескола, рассматривая соприсутствие в мире разных онтологий, поставил под вопрос деление на человеческое и не-человеческое как универсальную дихотомию [Дескола 2012]. Обсуждение возможностей и границ межвидовой этнографии, развернутое на страницах журнала

¹ Обзор литературы по психологии межвидового общения см.: [Шукова 2013а; Шукова 2013б; Шукова 2015; Шукова, Григорьева 2014].

² См. философско-теоретический журнал «Синий диван» № 10–11 за 2007 г. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniiy_divan/sinij-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025), в частности статьи, составившие первый, философско-антропологический, раздел номера: [Делёз, Гваттари 2007; Тищенко 2007; Агамбен 2007].

«Антропологический форум»³, достаточно убедительно показывает, что наряду с явно выделяющейся тематической областью антропологических исследований, посвященных отношениям людей и животных, методологические подходы к исследованию подобных тем значительно разнятся.

В центре моего внимания тема людей и их питомцев оказалась тогда, когда после длительного перерыва я вновь завела собаку: мне открылся новый для меня мир отношений и смыслов, связывающих людей и не-людей (ср.: [Haraway 2008]). С моей собакой (пти-брабансон, сука) у нас бывали взаимные обиды и недовольство, но и взаимная радость от встречи и игры, с возрастом ее характер менялся, мы научились понимать друг друга и искать компромиссы, у нас есть свой язык и т. д. Я заметила и то, что выбор породы собаки зачастую связан с презентационными ожиданиями людей (кто-то оценивает породы как престижные и непрестижные), с их вкусовыми суждениями. Иными словами, питомцы вовлечены в формирование символического капитала владельцев, и рейтинг этого социального поля подвижен. И, наконец, я оказалась включенной в новую для меня группу: стала частью одного из неформальных, но приятно скооперированных общими правилами сообществ – «собачников». Прогулки с собаками предполагают определенный протокол общения владельцев – короткий разговор только по поводу собак и погоды, не предполагающий дальнейшего знакомства, или просто молчаливое предоставление возможности собакам «поздороваться». При этом владельцы собак проявляют очень высокую степень солидарности и кооперации, т. е. проявляют себя как стихийное сообщество, в случае экстраординарных событий: когда собака потерялась или когда местная администрация меняет что-то в правилах выгула.

Теперь обратимся к фактам и статистике, связанным с содержанием домашних животных и попробуем на основе этих данных приблизиться к ответу на поставленный выше вопрос о ценностях и потребностях. Компания Mars Petcare в 2021 г. опубликовала результаты исследования популяции домашних питомцев. Проект осуществлялся совместно с агентством Ipsos и охватил более 50 стран, в том числе Россию (в 2014, 2017 и 2020 гг.). Исследование проводилось путём телефонных опросов и затронуло более 7 тысяч граждан старше 16 лет. Была получена репрезентативная выборка по городской и сельской России. Приведу кратко выводы, которые были получены в результате этого исследования,

³ Форум: люди и другие живые существа // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 11–224. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2024_62 (дата обращения: 15.06.2025).

и постараюсь их оценить с точки зрения интересующего меня вопроса.

На сегодняшний день более половины россиян – 70 млн человек – являются владельцами домашних питомцев. Согласно данному исследования, в 59% российских семей есть кошка или собака (а в 20% – и кошка, и собака). Преобладают семьи с кошками – 48%, собак содержит 31% домохозяйств. Наибольший рост популяции домашних животных отмечен в городах с числом жителей от 500 тысяч до 1 млн – 42%. В городах с населением менее 500 тысяч человек прирост составил 24%.

О чём нам говорят эти цифры? Во-первых, о том, что в эту практику вовлечены более половины граждан страны, то есть, следуя логике Алана Дандеса, это усиливающийся симптом, за которым стоит определенное коллективное содержание. Во-вторых, она значительно быстрее охватывает жителей крупных городов, чем жителей сельской местности, и этот факт позволяет предположить, что эта практика отвечает потребности горожанина в большей степени, чем сельского жителя [Трубицына 2014]. Из опыта полевых исследований я знаю, что жители деревень обычно держат собак и кошек для хозяйственной надобности: кошки избавляют от мышей и крыс, собаки сторожат, а также служат помощниками на охоте и при выпасе скота. При этом кошкам доступ в жилую часть дома разрешен, собаки же живут на дворе. Как домашних питомцев, т. е. в жилых помещениях, собак обычно содержат люди, живущие в деревне, но не занимающиеся крестьянским трудом – учителя, врачи, работники клуба или библиотеки. Или же «дачники» – сельские жители так называют тех, кто приезжает в свои деревенские дома на летний сезон. Но это тенденция последних десятилетий, в 1980–1990-е гг. мы «домашних» собак в вологодских и архангельских деревнях не видели.

Как показала статистика, с 2017 до 2020 г. численность домашних кошек и собак выросла на 23% и достигла почти 64 млн особей. В городах популяция кошек увеличилась на 23%, число собак возросло на 29%. В сельской местности рост популяции кошек – 28%, численность собак увеличилась на 13%.

Теперь обратимся к данным, полученным в столице России. В Москве 2 миллиона кошек и миллион собак. 41% московских семей имеют кошку и /или собаку. А это значит, более трети московских семей живет с питомцами. Гендерный профиль держателей кошек в Москве: 63% – женщины, 37% – мужчины, держателей собак почти такой же: 64% – женщины, 36% – мужчины. Надо заметить, что это отношение близко пропорции гендерных показателей московского населения: на начало 2024 г. мужчины составляли почти 45%, женщины чуть более 55%.

Приведу показатели по размерам и составу семей, в которых держат питомцев. Один человек и супруги с одним ребенком – 21%. Бездетная пара – 38%, семьи и с двумя и более детьми – 18%. Статистика по возрастам такова: 16–24 г. – 11%, 24–34 – 18%, 35–44 – 14%, 45–54 – 18%, 55–64 – 21%, старше 65 лет – 18%.

Людей, которые живут с животным и без иных домочадцев столько же, сколько семей с одним ребенком. Чуть менее трети семей с питомцами – бездетные супружеские пары. А значит, распространенное убеждение в том, что животных заводят «одиночки» и бездетные пары, не имеет под собой оснований [Никольская 2015]. Отметим один очень важный для понимания потребностей в этой практике показатель: как говорят владельцы о том, кем для них являются их питомцы. 92% владельцев кошек и 97% владельцев собак считают питомца членом семьи, другом или ребенком.

Добавим к этому и еще один факт, не учтенный в исследовании, на которое я ссылаюсь, но прямо связанный с отношением к питомцам как к членам семьи: создание и распространение городских кладбищ для животных⁴. Ниже мы к нему еще вернемся.

Итак, мы видим практику, в которую вовлечена огромная масса живых существ (людей и животных), утилитарная значимость которой не очевидна. Выбор в пользу заведения щенка или котенка, несомненно, затратный: он связан с разнообразными ограничениями, расходами, неудобствами, сложностями передвижения и так далее. Этот выбор предполагает реорганизацию жизненного уклада: регулярные прогулки с собаками определяют расписание их владельцев, в то время как кормление и уборка туалета определяет расписание держателей котов. Содержание питомца не имеет отношения к личной выгоде, и, очевидным образом, за ним стоит определенная потребность.

Как я полагаю, эта потребность относится к тому ряду, который по «пирамиде» Абрахама Маслоу располагается над первичными потребностями (в безопасности, пище, продолжении рода), – это потребность в принятии и любви. С ней связана и определенная ценность – искренность в признании собственной уязвимости. Джудит Батлер предлагает «оплакиваемость» как особый маркер, обнаруживающий взаимозависимость людей и их уязвимость: «...Оплакиваемость... характеристика, присущая всем живым существам, маркирующая их ценность внутри различительной схемы ценностей и подводящая напрямую к вопросу о том, обращаются ли с ними как с равными и по справедливости» [Батлер 2022, с. 115]. Оплакиваемость питомцев, о чем свидетельствуют

⁴ В России есть три официально зарегистрированных кладбища для домашних животных: в Москве, Екатеринбурге и Санкт-Петербурге.

кладбища для животных, перемещает границы человеческой взаимозависимости, включая в этот мир и не-людей. А также «оплакиваемость» есть проявление признания плачущими непреложной и абсолютной ценности жизни оплакиваемых. Жизнь питомца (т. е. жизнь живого существа) ценна так же, как и жизнь человека. Думаю, именно так можно определить ценность, на которой основана практика содержания питомцев. Я постараюсь обосновать свою гипотезу, используя социологические и феноменологические контексты.

На первый взгляд, содержание питомцев в городе представляют собой одну из практик досуга: питомцев заводят для удовольствия. Практики досуга (или вернакулярные практики) составляют значительную область повседневной жизни людей: к ним относят любые виды художественной деятельности, не предполагающие продажу создаваемого продукта, а также занятия спортом, рукодельем, коллекционирование, игры, прогулки, туризм и т. д.⁵

Досуг, по определению Жиля Проново, представляет собой самостоятельную сферу производства новых социальных ценностей, обусловленных свободной, бескорыстной и личностной природой досуга [Pronovost, D'amours 1990].

Позволю себе сделать одно отступление, чтобы подчеркнуть убедительность предложенного Проново определения досуговых практик. Анна Эпплбаум, описывая становление советских режимов в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, обратила внимание на то обстоятельство, что одними из первых в зону государственного контроля попали сообщества досуга – филателисты, шахматные клубы и т. п. [Applebaum 2012]. Тот же процесс происходил и в СССР в 1930-е гг.: посредством всеобщего распространения государственных досуговых учреждений – дворцов и домов культуры, дворцов пионеров и школьников, сельских клубов и библиотек – все досуговые инициативы граждан были взяты под государственный контроль, неподконтрольные оценивались как «теневые» или же объявлялись враждебными строю. Свободный выбор занятий для досуга – проявление личного свободного выбора, создание сообществ «по интересам» – одна из горизонтальных форм сплоченности. Интересующая нас практика именно такая: она относится к сфере личной свободы и индиви-

⁵ Изучение практик досуга имеет свою длительную историю. С 1977 г. и по сегодняшнее время в США выходит научный журнал “Leisure Sciences”. В фокусе его внимания концепция досуга в обществе и поведении: теория досуга, философия досуга, социальная психология и социология досуга и пр.

дуального выбора, но также объединяет людей в неформальные сообщества на основании разделяемых ими ценностей.

Вместе с тем, если следовать принципам описания общества, предложенным Пьером Бурдье, практики определяют стили жизни и тем самым жестко вписывают индивида в его социальный профиль [Bourdieu 1984; Korsunova 2017; Роцина 2007]. Выделить или обнаружить определенный стиль жизни – значит дифференцировать людей на группы, которые различаются набором свойственных им практик в каждом социальном поле. Наряду с потреблением, участием в политике и религии, досуг – одно из социальных полей.

В современную практику содержания домашних питомцев вовлечены горожане разного пола, возраста, обладающие разными культурными и экономическими капиталами и пр.⁶ Содержание питомцев обслуживает некую общую потребность современных людей, следящих разным стилям жизни. Следовательно, вполне в русле приведенного мною выше определения досуга, здесь на повестке именно новая ценность, проект будущего, но не устоявшийся дифференциальный признак социального профиля.

Мишель Фуко предложил понятие *hétérotopie* (гетеротопии) для того, чтобы описать места взаимодействия, которые существуют за рамками обычных социальных и культурных норм. Гетеротопии – это не места, где нормы нарушаются, скорее – социальные острова, где действуют другие нормы отношений, «оспаривающие», «отзеркаливающие» нормы и отношения, которым мы следуем и в которых мы находимся обычно [Foucault 1986].

Как мне представляется, практика содержания домашних питомцев является собой одну из форм гетеротопии. Тогда какая отличная от обычной норма отношений имеет место в этой гетеротопии? Выше я высказала предположение о том, что это искренность, уязвимость и любовь.

В древнегреческом языке было несколько слов для определения любви. Эрос – стихийная восторженная влюбленность, проявляющаяся в виде почитания, направленного на объект любви, предполагающая взгляд на него снизу вверх, не оставляющий места для жалости или снисхождения. Филия – любовь-дружба или любовь-приязнь, обусловленная социальными связями

⁶ Если обратиться к российской истории, мы увидим, что содержание, например, комнатных собак, так же как и содержание собак для своей охоты, было свойственно исключительно привилегированным сословиям. Но в современном российском городе имущественные различия никак не сказываются на решении завести домашнее животное: собаки и кошки живут и в коммунальных квартирах, и в загородных особняках.

и личным выбором. Сторге – любовь-нежность, особенно семейная. И четвертый тип любви – агапэ, жертвенная безусловная любовь, в христианстве такова любовь Бога к человеку.

То, с чем мы имеем дело в ситуации с питомцами, – любовь-сторге, любовь-привязанность. По определению К.С. Льюиса, любовь-привязанность, будучи самой скромной из возможных форм любви, являет свое величие в том, что раскрывает горизонт людской приемлемости: «Мы гордимся влюбленностью или дружбой... У привязанности – простое, неприметное лицо; и те, кто ее вызывает, часто просты и неприметны. Наша любовь к ним не свидетельствует о нашем вкусе или уме, <...> привязанность соединяет не созданных друг для друга, до умиления, до смеха непохожих... Привязанность учит нас сначала замечать, потом терпеть, потом – привечать и, наконец, ценить тех, кто оказался рядом. Созданы они для нас? Слава Богу, нет! Но это они и есть, чудовищные, нелепые, куда более ценные, чем казались нам поначалу. <...> Для сторге нет необходимости нравиться или заслуживать любовь, ибо ты принят изначально и навсегда, именно такой, каков ты есть, со всеми своими недостатками, которые давно известны и прощены»⁷.

Кажется, именно это и случается в отношениях собак, кошек, черепах и иных существ с их владельцами: в любви-привязанности мы открыты и уязвимы.

Впервые городские дети начинают говорить о том, что им очень нужно завести щенка или хомяка еще лет в шесть-семь. Это я знаю и по собственному опыту, и по опыту моих детей и друзей, об этом пишут психологи в популярных изданиях для родителей. Высказывание Малыша из книги Астрид Линдгрен о Малыше и Карлсоне отрывалось в душе многих:

– Похоже, что так всю жизнь и проживешь без собаки, – с горечью сказал Малыш, когда все обернулось против него. – Вот у тебя, мама, есть папа, и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня – у меня никого нет!..

– Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! – сказала мама.

– Не знаю... – с еще большей горечью произнес Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете⁸.

Потребность в щенке, которая возникает у маленького человека, приходит вслед за первым экзистенциальным кризисом, когда

⁷ Lewis C.S. The four Lloves. L.: Geoffrey Bles, 1960. P. 34–35.

⁸ Линдгрен А. Малыш и Карлсон, который живет на крыше / пер. Л.З. Лунгиной. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 5–6.

у ребенка лет в пять-шесть возникают первые смертные вопросы. Это вопросы о том, куда уходят те, кто умирает, что будет с мамой и папой, когда это с ними произойдет, и так далее. С этими вопросами ребенка сталкивается каждый родитель и, если припомнить себя в детстве, ими задается каждый. Вслед за этим появляется потребность в питомце. Что касается внутреннего состояния, это происходит тогда, когда впервые человек переживает собственную отдельность и одиночество. В этой отдельности возникает потребность в некоем «ты». «Ты» – место взаимовлияния, открывшаяся тебе впервые полость в тебе самом, которая должна быть заполнена чьим-то живым присутствием.

С другой стороны, т. е. со стороны родителей или старших, происходит совершенно другая игра: «Хорошо, сынок или дочечка, – соглашается родитель, – мы заведем тебе собаку, но тогда ты будешь о ней заботиться». Происходит встраивание ребенка в новый для него тип иерархических отношений. До этого времени у него были лишь те, кто «над ним» – родители, старшие, в отношении которых возможна лишь любовь «снизу-вверх», эрос, и, возможно, те кто был рядом с ним – другие дети, в отношении которых возможна любовь-филия. Итак, был опыт подчинения и, возможно, опыт паритета. Теперь появляется кто-то любимый, но кто ниже его в иерархии. Этот «кто-то» существует в пространстве любви-заботы.

Согласно экзистенциальному подходу Медарда Босса, предназначение человека есть забота о вещах, растениях, животных и людях таким образом, чтобы они могли наилучшим путем развертываться и развиваться. Существовать в такой заботе есть основная задача человеческой жизни [Boss 1979, pp. 85–86]. Детская потребность в питомце – первый призыв к этой задаче.

Итак, питомца ребенок хочет тогда, когда случается первый экзистенциальный кризис. Субъектность – главная тема этого кризиса. Собаку покупают детям, призывая их к ответственности, то есть предоставляя им новое место в социальной вертикали подчинения и патронажа. Здесь сходятся разные миры: внутренний мир человека, его жизненный мир и мир окружающей его среды. Ученые, использовавшие экзистенциальный анализ, – Медард Босс, Людвиг Бинсвангер, Ролло Мей – опирались на разделение, которое в свое время было предложено Якобом Икскюлем [Uexküll 1957]⁹. Он считал, что существует три разных мира, не сводимых друг другу. Мир, который был им назван *Umwelt*, – «мир вокруг» или окружающая среда, мир восприятия и действия,

⁹ См. также: *Uexküll J., von. Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909. 259 S.

который строит себе всякий биологический вид и отдельная особь в нем. Umwelt – это определенный срез мира, поскольку каждое живое существо выбирает из всего многообразия ощущений, связанных с возможными контактами с внешними предметами в мире, только те сигналы, которые соответствуют возможностям органов чувств этого живого существа и служат его нуждам выживания и успешной деятельности. Mitwelt буквально – «с миром», в феноменологической традиции мир, разделяемый мною с Другими, жизненный мир, или мир «лицом к лицу». И, наконец, Eigenwelt – собственный мир, форма отношений с собственным «я».

Питомцы размещены их владельцами не только в Umwelt: в отношениях с питомцами мы проживаем в жизненном мире, в Mitwelt. В нем каждый может быть дан другому как «ты», определяющее мое «я» (мой собственный мир, Eigenwelt). И в этом согласовываемом посредством в том числе и «межвидовых» коммуникаций мире разворачивается существование современного человека как миропроект будущего. Я полагаю, что современная практика содержания домашних питомцев открывает отношения живых людей и не-людей как взаимозависимые и, как мне кажется, открывает возможность нового договора, основанного на заботе и признании того, что взаимозависимость живых существ является всеобщей.

Это так в том числе и потому, что содержание питомцев – практика агрегации опыта, связанного с обретением экзистенциальной восполненности Другим. Возможность проявлять любовь такого рода, любовь-сторге, составляет ту самую новую ценность, которая является себя в стихийных сообществах любителей кошек, собак и иных питомцев.

Литература

- Агамбен 2007 – Агамбен Д. Открытость: Человек и животное // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 29–46. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/siniy-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025).
- Батлер 2022 – Батлер Д. Сила ненасилия: сцепка этики и политики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 220 с.
- Дандес 2003 – Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики // Дандес А. Фольклор: Семиотика и /или психоанализ: Сб. статей / пер. с англ. А.С. Архиповой и др. М.: Восточная литература, 2003. С. 72–107.
- Делёз, Гваттари 2007 – Делёз Ж., Гваттари Ф. Становление-интенсивностью, Становление-животным, Становление-невоспринимаемым... //

- Синий диван. 2007. № 10–11. С. 7–14. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025).
- Дескола 2012 – Дескола Ф. По ту стороне природы и культуры. М.: НЛО, 2012. 580 с.
- Кастру 2017 – Кастру Э.В., дे. Каннибалльские метафизики: Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ad Marginem, 2017. 199 с.
- Козырева 2021 – Козырева М. Смена философских перспектив: поворот к животным в новой антропологии // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 1. С. 64–79.
- Кон 2018 – Кон Э. Как мыслят леса: К антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Никольская 2012 – Никольская А.В. Экopsихологическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними животными: Авто-реф. дис. ... д-ра психол. наук / Психологический ин-т РАО. М., 2012. 63 с.
- Никольская 2015 – Никольская А.В. Социальные аспекты взаимодействия человека с домашними питомцами как копинг-стратегии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 1 (13). С. 79–83.
- Рошина 2007 – Рошина Я.М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4. С. 23–41.
- Тищенко 2007 – Тищенко П. Собака, лежащая справа... // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 15–28. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025).
- Трубицына 2014 – Трубицына Л.В. Культурно-исторический аспект взаимоотношений человека и собаки // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. С. 21–27.
- Шукова 2013а – Шукова Г.В. Межвидовое взаимодействие человека: итоги и перспективы исследования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Психология». 2013. № 5 (52). С. 103–110.
- Шукова 2013б – Шукова Г.В. Межвидовое взаимодействие человека и домашних животных как предмет экопсихологического исследования // Экopsихологические исследования – 3: Сб. научных статей / под ред. В.И. Панова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 76–109.
- Шукова 2015 – Шукова Г.В. Социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия человека и домашних животных // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 1 (13). С. 83–86.
- Шукова, Григорьева 2014 – Шукова Г.В., Григорьева М.И. Некоторые психологические особенности человека как субъекта межвидового взаимодействия в диаде «человек – домашнее животное» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Психология». 2014. № 5. С. 99–109.

- Applebaum 2012 – *Applebaum A.* Iron curtain: the crushing of Eastern Europe, 1944–1956. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2012. 608 p.
- Boss 1979 – *Boss M.* Existential foundations of medicine and psychology. N.Y.; L: Aronson, 1979. 303 p.
- Bourdieu 1984 – *Bourdieu P.* Distinction: A social critique of the judgment of taste. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984. 613 p.
- Foucault 1986 – *Foucault M.* Of other spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22–27.
- Haraway 2008 – *Haraway D.J.* When species meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 360 p.
- Korsunova 2017 – *Korsunova V.I.* Public leisure practices in Russia: status distinctions and structural features // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017. Vol. 5. P. 194–213.
- Pronovost, D'amours 1990 – *Pronovost G., D'amours M.* Leisure studies: a re-examination of society // Loisir et Société. 1990. Vol. 13. No. 1. P. 39–62.
- Uexküll 1957 – *Uexküll J. von.* A stroll through the worlds of animals and men // Instinctive behavior: The development of a modern concept / ed. by C.H. Schiller. N.Y.: International Universities Press, 1957. P. 5–80.

References

- Agamben, D. (2007), “Openness. Man and animal”, *Sinii divan*, vol. 10–11, pp. 29–46, available at: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (Accessed 15 June 2025).
- Applebaum, A. (2012), *Iron curtain: the crushing of Eastern Europe, 1944–1956*, Knopf Doubleday Publishing Group, New York, USA.
- Batler, D. (2022), *Sila nenasiliya: stsepka etiki i politiki* [The power of non-violence: linking ethics and politics], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Boss, M. (1979), *Existential foundations of medicine and psychology*, Aronson, New York, USA, London, UK.
- Bourdieu, P. (1984), *Distinction: A social critique of the judgment of taste*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Castro E., de (2017), *Kannibal'skie metafiziki: Rubezhi poststrukturnoi antropologii* [Cannibal metaphysics], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Dandes, A. (2003), “Projection in folklore: in defense of psychoanalytical semiotics”, in Dandes, A., *Fol'klor: Semiotika i ili psikhoanaliz* [Folklore: Semiotics and/or psychoanalysis], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 72–107.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2007), “Becoming-intense, Becoming-animal, Becoming-unrecognisable....”, *Sinii divan*, vol. 10–11, pp. 7–14, available at: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (Accessed 15 June 2025)

- Deskola, F. (2012), *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond nature and culture], NLO, Moscow, Russia.
- Foucault, M. (1986), "Of other spaces", *Diacritics*, vol. 16, no. 1, pp. 22–27.
- Haraway, D.J. (2008), *When species meet*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Kon, E. (2018), *Kak myslyat lesa: K antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think. Towards an anthropology on the other side of man], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Korsunova, V.I. (2017), "Public leisure practices in Russia: status distinctions and structural features", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, vol. 5, pp. 194–213.
- Kozyreva, M. (2021), "Shifting philosophical perspectives: the turn to animals in the new anthropology", *Philosophical Anthropology*, vol. 7, no. 1, pp. 64–79.
- Nikolskaya, A.V. (2012), *Ekopsikhologicheskaya model' mezhvidovogo vzaimodeistviya cheloveka s domashnimi zhivotnymi* [Ecopsychological model of interspecies interaction of humans with domestic animals], Abstract of D. Sc. dissertation (Psychology), Psikhologicheskii institut RAO, Moscow, Russia.
- Nikolskaya, A.V. (2015), "Social aspects of human interaction with pets as coping strategies", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, vol. 4, no. 1(13), pp. 79–83.
- Pronovost, G. and D'amours, M. (1990), "Leisure studies: a re-examination of society", *Loisir et Société*, vol. 13, no. 1, pp. 39–62.
- Roshchina, Ya.M. (2007), "Differentiation of Russians' lifestyles in the leisure field", *Journal of Economic Sociology*, vol. 8, no. 4, pp. 23–41.
- Shukova, G.V. (2013), "Human interspecies interaction: outcomes and research perspectives", *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*, vol. 52, no. 5, pp. 103–110.
- Shukova, G.V. (2013), "Interspecies interaction between humans and domestic animals as a subject of ecopsychological research", in Panov, V.I., ed., *Ekopsikhologicheskie issledovaniya – 3: Sbornik nauchnykh statei* [Ecopsychological research – 3: Collected scientific articles], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 76–109.
- Shukova, G.V. (2015), "Socio-psychological aspects of interspecies interaction between humans and domestic animals", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, vol. 4, no. 1(13), pp. 83–86.
- Shukova, G.V. and Grigor'eva, M.I. (2014), "Psychological qualities of person as a subject of human-animal interaction", *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*, no. 5, pp. 99–109.

- Tishchenko, P. (2007), "The dog lying on the right...", *Sinii divan*, vol. 10–11, pp. 15–28, available at: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (Accessed 15 June 2025).
- Trubitsyna, L.V. (2014), "The cultural-historical aspect of human-dog relations", *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, no. 15, pp. 21–27.
- Uexküll, J., von. (1957), "A stroll through the worlds of animals and men", in Schiller, C.H., ed., *Instinctive behavior: The development of a modern concept*, International Universities Press, New York, USA, pp. 5–80.

Информация об авторе:

Светлана Б. Адоњева, доктор филологических наук, профессор, АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», Санкт-Петербург, Россия; 199034, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 4, кв. 28; spbfolk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5502-1226

Information about the author:

Svetlana B. Adonyeva, Dr. of Sci. (Philology), professor, The Propp Centre for Humanities-based research in the Sphere of Traditional Culture, Saint Petersburg, Russia; apt. 28, bld. 4, 1-st Line of Vasilievsky Island, Saint Petersburg, Russia, 199034; spbfolk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5502-1226